

Во-вторых, называя операцию (= правило) «означающим языкового знака», мы отходим от традиционного представления об означающем, значительно расширяя его. Означающим предлагается называть любой воспринимаемый (прямо или косвенно) носитель некоторого значения, точнее, то, что исследователь провозглашает носителем этого значения. Тогда означающими могут быть не только «линейные», «сегментные» отрезки — цепочки фонем, но и определенные суперсегментные (= просодические) явления, и разного рода операции. Как кажется, подобное словоупотребление не противоречит никаким существенным лингвистическим положениям. В самом деле, операция (а не цепочка фонем) в роли носителя значения — явление, в лингвистике рассматриваемое и призванное достаточно давно: таково, в частности, значащее чередование (которое иногда называют также «внутренней флексией»). Примеры значащих чередований в самых разных языках общеизвестны: англ. *tooth* /tʊθ/ 'зуб' — *teeth* /tiθ/ 'зубы', нем. *Bruder* 'брат' — *Brüder* 'братья', ирл. *fear* /f'ar/ 'мужчина' — *fhír* /ir/ 'мужчины', рум. *carte* /kártε/ 'книга' — *cárfi* /kárc'f/ 'книги' (мн. ч.) и т. п. Во всех таких случаях мы будем считать, что означающим для означаемого 'мн. число' является определенная операция: /ū/ ⇒ /ī/ в английском, X ⇒ X̄ в письменном немецком (X = a, o, u), /X/ ⇒ /Y'/ в ирландском и румынском (/X/ и /Y'/ обозначают соответственно согласную и ее палатализованный коррелят, причем соответствие между /X/ и /Y'/ задается в действительности весьма сложными правилами). Однако здесь операция (= означающее) выполняется над вполне «обычным», «линейным» означающим; в случае же конверсии приходится говорить об операции над грамматической характеристикой, т. е. о явлении, гораздо более абстрактном. Возможно, именно поэтому определить понятие конверсии оказалось нелегко.

II

Прежде чем двинуться дальше, нам необходимо кратко рассмотреть весьма общий вопрос: строение языкового знака. Еще со времени Ф. де Соссюра считается, что языковой знак — двусторонняя сущность, пара <означающее, означаемое>. Однако, чтобы полностью охарактеризовать языковой знак — морфу, словоформу или словосочетание, — нужно обязательно указать по крайней мере три вещи: кроме означающего и означаемого требуется еще дать сведения о правилах синтагматического комбинирования данного знака с другими знаками. Назовем эти сведения с и н т а к т и к о й знака. Тогда мы можем сказать, что языковой знак есть тройка: <означающее, означаемое, синтактика>, или, используя простые обозначения: X = <X; 'X'; Σ_X>¹².

Мало сказать, что сегмент *ов* в русском языке имеет означаемое 'мн. ч. род. пад.'; нужно также указать, что это окончание (а не, скажем, основа или префикс), что это окончание употребляется только после основ мужского рода не на шипящие и не на мягкие и т. д. Подобные сведения, которые явно не относятся ни к означающему, ни к означаемому знаку, и образуют его синтактику:

¹² Для простоты мы абстрагируемся здесь от вопроса о наличии каких-либо иных компонентов языкового знака; так, в частности, нам представляется необходимым введение в рассмотрение еще и прагматики знаков.

Заметим, что синтактику можно не включать в состав знака, а считать ее внешней характеристикой знака, описанием его сочетаемостных свойств. Это, однако, ни в чем не изменив существа последующих рассуждений, усложнило бы соответствующие формулировки и нарушило бы стройность получающейся системы морфологических средств. Кроме того, в пользу включения синтактики в знак говорят также еще два обстоятельства: 1) отсутствие четких границ между синтактикой и означаемым, синтактикой и означающим, см. ниже; 2) устойчивая традиция логической семиотики (идущая от Ч. Морриса), которая рассматривает синтактику именно как неотъемлемый компонент знака.